

Постглобальное социокультурное развитие: пространственный аспект

*Д.Г. ЕВСТАФЬЕВ**
*Л.А. ЦЫГАНОВА***

* **ЕВСТАФЬЕВ Дмитрий Геннадиевич** – кандидат политических наук, профессор департамента интегрированных коммуникаций факультета коммуникаций, медиа и дизайна. Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”. Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000. E-mail: devstafiev@hse.ru

** **ЦЫГАНОВА Любовь Александровна** – кандидат исторических наук, доцент департамента интегрированных коммуникаций факультета коммуникаций, медиа и дизайна. Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”. Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000. E-mail: ltsyganova@hse.ru

Тенденции постглобализма оказали большое влияние на развитие социокультурного пространства. Структурирование социокультурного пространства – сложный многоэтапный процесс, зависящий от степени интеграции культуры и динамики ее развития. Культура в самом широком понятии рассматривается как ключевой механизм изменений и социокультурного развития. В статье анализируются основные векторы структурирования социокультурного пространства: сословно-классовый, возрастной (поколенческий) и религиозно-архетипический, а также рассматриваются варианты пространственных проявлений новых социокультурных тенденций. Авторы выдвигают гипотезу относительно опережающего темпа проявления постглобальных социальных трансформаций в социокультурной сфере крупнейших мегаполисов, формулируют базовую матрицу практических проявлений социокультурных трансформаций и ставят вопрос о месте идеологии в постглобальном мире.

Ключевые слова: социокультурное развитие, коммуникации, глобализация, культура, социокультурное пространство.

DOI: 10.31857/S086904990010544-0

Цитирование: Евстафьев Д.Г., Цыганова Л.А. (2020) Постглобальное социокультурное развитие: пространственный аспект // Общественные науки и современность. № 6. С. 19–34. DOI: 10.31857/S086904990010544-0

Postglobal socio-cultural development: the issues of localization of models

*Dmitry G. EVSTAFIEV**

*Lubov' A. TSYGANOVA***

***Dmitry G. Evstafiev** – candidate of sciences (PhD) in Political Institutes, Processes and Technologies, Professor, School of Integrated Communications, Faculty of Communications, Media, and Design. National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, Russian Federation, 101000. E-mail: devstafiev@hse.ru

****Lubov' A. Tsyganova** – candidate of sciences (PhD) in National History, Associate Professor, School of Integrated Communications, Faculty of Communications, Media, and Design. National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, Russian Federation, 101000. E-mail: ltsyganova@hse.ru.

Abstract. Post-global trends posed serious influence upon the development of the socio-cultural environment. The process of structuring of the socio-cultural environment is a complex and multistage process that depends upon the degree of cultural integrity of local and regional culture and the dynamics of its development. The article analyses the major vectors of structuring of the social environment: class and strata stratification, generational and archetypic-religious as well as variants of the manifestation environments are outlined. Authors put forward a hypothesis on the advanced speed of the emergence of the social aspects of the post-global social transformations in the socio-cultural sphere that take place in the major urban centers. The authors outline the base for matrix of assessment for manifestations of the socio-cultural indications for transformations and put forward the issue on the place of the ideology in the post-global world.

Keywords: socio-cultural development, communications, globalization, culture, socio-cultural environment.

DOI:

Citation: Evstafiev D., Tsyganova L. (2020) Postglobal socio-cultural development: the issues of localization of models. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 19–34. DOI: 10.31857/S086904990010544-0

Пространственный мир как антитеза постпространственной глобализации

Концептуальное осмысление процессов глобализации традиционно шло по двум направлениям: первое, считавшееся до определенного момента “флагманским”, ориентировало на мир, где значение пространства как такового, а с ним национальных государств, традиций, социокультурных особенностей развития поступательно утрачивало значение, а целью развития было максимально нивелировать влияние факторов идентификации и самоидентификации человека и общества, порождаемых конкретным пространством. В своей крайней трактовке это нашло свое выражение в концепции “плоского мира”, основанной на полном универсализме моделей экономического и особенно социального развития.

Второе настаивало на сохранении, а при определенных условиях – и усилении таких компонентов развития, как традиции, рудименты традиционного общества, религия, особенности социального поведения, принципиальные с точки зрения пространственной самоидентификации обществ и национальных государств. Наиболее ярко такой подход проявился в концепции “столкновения цивилизаций”. Мир системы поздней глобализации проецировал свой потенциал через внепространственные инструменты и подсистемы, такие, как включенные в Сеть мировые финансы, полностью глобализированное информационное общество, дистанционные системы образования и управления, а также

универсалистские ценности социокультурного развития и упрощенные культурные артефакты, во многом строившиеся на принципиальном отрицании традиции и преемственности [Giddens 1991].

Проблемы, возникшие в период глобализации, дали толчок становлению концепции единства пространств культурного и социального развития. Термин *социокультурное пространство* подробно был проанализирован в [Орлова 2017] и обоснован через концепцию П. Сорокина, рассматривавшего такое пространство как триаду личности, общества и культуры. Дальнейшим развитием такого подхода является адаптация пространственного аспекта социокультурного развития к особенностям сетевого мира [Giddens 2003]. В сетевом мире принципиально иную роль в формировании социокультурных парадигм развития начинают играть коммуникации, приобретающие по мере развития глобализации все более высокую степень социальной интрузивности¹.

Следуя концепции М. Кастельса, общества – это культурные конструкты, сущность и основные векторы развития которых реализуются через коммуникации. Кастельс предполагает, что в культуре глобального сетевого общества коммуникация осуществляется не на основе разделяемых ценностей, а на основе разделения ценностей коммуникации, в том числе доступа к коммуникациям [Кастельс 2016]. Принципиальное отличие современной ситуации – демедиатизация коммуникационного пространства [Кин 2015]. Это делает относительно непредсказуемыми точки кристаллизации новых социокультурных парадигм, ранее структурно выстроенных и транслировавшихся через медиа.

По мере нарастания процессов политической, а затем и экономической глобализации, идея постпространственности стала основополагающим подходом к оценке ключевых не только экономических процессов, но и политического и социокультурного развития. Глобальное социальное пространство понималось как прямое отражение надпространственности мирового рынка и соответствующих ему экономических отношений [Бэк 2001]. Такой подход воспроизводил преемственность концепции “третьей волны”, выдвинутой Э. Тоффлером в конце 1970-х гг. и ставшей одной из важных вех в идее конвергенции социализма и капитализма, где уже присутствовал элемент социокультурной надпространственности².

На поздних стадиях развития глобализации мы наблюдали попытки трансформировать этот порожденный технологическим развитием феномен в некую идеологию, основанную на концепции неограниченной социальной и географической мобильности в условиях универсального доступа в информационное общество. В качестве флагманской модели социального развития при этом предлагался некий гибрид коммуникационных технологий и неограниченного кредитного потребления, постепенно перемещавшегося от потребления товаров к потреблению ощущений [Флорида 2005; Урри 2018]. Критерием принадлежности к “развитому миру” служит включенность индивида в информационное общество, которое построено на принципах цифровых интегрированных коммуникаций.

Подобный подход был оправдан с социальной точки зрения, в особенности применительно к урбанистическим и постурбанистическим социальным пространствам, формирующимся на ситуативной основе, например, на базе “малых дел”, осуществляемых отдельными людьми [Лайдон 2019]. Эта концепция продолжала классический для поздней глобализации подход: в условиях социальной атомизации и доминирования коммуникации каждый человек имеет способность самостоятельно создать социокультурное пространство вокруг себя.

¹ Интрузивность – появление потенциала иерархизации внутри сети, что может проявляться как на уровне прямой иерархизации (управленческой) сетевых сообществ, так и на уровне семиотических отношений [Латур 2014], что будет иметь в качестве неизбежного последствия возникновение эффекта неуниверсальности.

² Надпространственность Э. Тоффлера фактически обозначала надидеологичность. Это получило дальнейшее развитие в исследованиях социокультурных трансформаций, медиа, международных отношений и т.д. (см. [Postman 2006; Akbarzadeh, Baxter 2018]).

Уже на относительно ранней фазе дискурса о сути глобализации возникали мнения о необходимости учета условно “пространственного” измерения и традиции как отражения особенностей исторического и социального развития. Работы П. Бергера, С. Хантингтона, Й. Валлерстайна, Й. Тереборна и др. привели к возникновению концепции “глобализации разных скоростей”, где пространственный компонент был существенно более выражен [Многолика... 2004].

Рубежной для осмысления неизбежности учета пространственного компонента в развитии глобализации следует считать работу С. Хантингтона “Кто мы”, посвященную вопросам, связанным с пространственной самоидентификацией американского общества в условиях зрелой глобализации [Huntington 2005].

Пространственный компонент в развитии глобализации был обострен в результате кризиса инвестиционного капитализма 2008–2009 гг., окончательно оформившего отказ от концепции глобализации как пространства устойчивого экономического роста в рамках универсальных моделей [Спенс 2013]. Стала признаваться возможность формирования альтернативных экономической “метрополии” Запада центров экономической консолидации, создающих условно альтернативные модели развития [Есть ли будущее... 2017], неизбежно опирающиеся на локальные особенности и потенциал соответствующих пространств.

К середине 2010-х гг. глобализация столкнулась с кризисом социальной недостаточности современного капитализма, который попытались разрешить через акцентирование значимости информационного общества. Это усиливало постпространственность глобализации, вплоть до появления концепции “постпостмодерна” [Nealon 2012], в которой развитие информационного общества и релевантных ему социокультурных процессов становилось эквивалентным глобализации. С другой стороны, одним из наиболее явных проявлений повышения значимости пространства стал вопрос о национальном суверенитете и возвращение в общемировом политическом дискурсе к вопросу об идентичностях, ранее считавшимся если не “разрешенным”, то, как минимум, снятым³. Это, в свою очередь, возвращает нас к проблеме пространственной локализации социокультурных процессов и моделей социального поведения.

Исходя из следующего базового предположения, мы допускаем, что *в противовес постпространственной модели поздней глобализации постглобальный мир будет пространственной сущностью с значительно большей ролью региональных и локальных особенностей, что будет предопределять не только разноскоростное, но и разновекторное развитие как в экономических, так и в социальных моделях.*

Методологические замечания

Методологические подходы авторов определены важным замечанием И. Валлерстайна о геокультурных переменах как возможным элементе трансформации экономической системы через системный кризис [Валлерстайн 2017]. Мы исходим из заведомой междисциплинарности рассматриваемого вопроса, находящегося на стыке нескольких зон проблематизации: социокультурных и социальных исследований, коммуникативистики, политологии, но настаиваем на ситуативном приоритете сферы коммуникаций в силу

³ Наиболее целостной и последовательной работой, где идентичности рассматриваются в качестве регрессивного элемента, не дающего возможности полностью раскрыться потенциалу глобализации, следует назвать, безусловно, труд Ф. Фукуямы [Фукуяма 2019]. Данная работа фиксирует фундаментальные противоречия между идентичностями и ценностным универсализмом и релятивизмом классической глобализации. Одновременно подтверждается следующее суждение: идентичности как атрибуты неуниверсалистских моделей социокультурного развития сравнительно быстро в условиях непротиводействия со стороны “акторов глобализации” и несколько медленнее, – при подобном противодействии, перерастают в конкурирующее с универсалистским политическое поведение. Этого достаточно, чтобы констатировать глубокое ценностное расхождение, чреватое конфронтацией в конкретном пространстве.

первичности проявления глубинных трансформаций именно в социокоммуникационном пространстве и лишь последующем формировании вокруг коммуникационных процессов пространств социокоммуникационной гибридности различного типа [Евстафьев 2019] и более устойчивых социальных связей, пригодных для институционализации.

Становится возможным возвращение в новой трактовке к моделям А. Тойнби и С. Хантингтона о пространственной реализации цивилизационной конкуренции. Концепция Тойнби описывает движение истории полнотой *Ответа на Вызов*, а *Вызов, оставшийся без Ответа*, будет повторяться. И если общество не способно ответить на Вызов, то оно перестает существовать. Цивилизационная конкуренция дала импульс к формированию пространств для социокультурного развития. Ключевая заслуга Тойнби – в соединении в контексте развития цивилизационных процессов времени и пространства [Тойнби 1991].

Классическая “восходящая” логика развития, представленная на рисунке, говорит о постепенном переносе стереотипов экономического поведения в социальную жизнь и далее в сферу формирования социокультурных процессов и создания культурных артефактов, обслуживающих соответствующую социальную среду.

Глобализация в своей радикальной трактовке, характерной для позднего периода развития [Giddens 2003], создавала серьезные искажения “линейной” концепции. На первый план выводились вопросы, лишь косвенно связанные с экономическими процессами, особенно учитывая их выхолащивание и перемещение в сферу “инвестиций” (фактически, финансовых коммуникаций и создания на их основе социальной среды). *Сейчас методологически ошибочно рассматривать процессы социального развития как линейное продолжение экономических процессов.* В условиях кризиса глобализации и отсутствия ее новой модели, адекватной новым не только геоэкономическим и геополитическим, но и социальным реалиям, формирование социальных и социокультурных моделей и парадигм развития будет вестись под значительным воздействием неэкономических факторов. В частности, факторов “вмещающей” социокультурной среды, включая и те аспекты среды, которые ранее считались проявлениями архаичности.

Рис. Формирование социокультурного пространства по классической модели

В основе осмысления пространства лежит понимание природы различия между культурой и социальной системой. Социальная система – лишь один из трех аспектов структурирования систем социального действия (а также личностные системы инди-

видов и культурная система). Каждый из них незаменим для двух других в том смысле, что без личностей и культуры не было бы социальной системы и так далее по списку логических возможностей (см. [Geertz 1973]).

Мир-системность Валлерстайна в условиях глобальной экономической и социальной напряженности будет сохранять крен именно в коммуникационную сферу. Вместе с тем объективные тенденции глобального развития будут усиливать составляющую трансформации мир-системы, которая увязывает особенности моделей социального развития и социокультурные практики с конкретным пространством и особенностями его цивилизационного развития⁴. В условиях сохранения глобальности информационного общества это может создать обстоятельства для конкуренции моделей локализованного социального развития, как минимум, в коммуникационном пространстве, что в условиях существенного повышения его значимости может иметь серьезное ускоряющее или искажающее значение.

Гипотеза и предположения

Логика посткризисного мира, основанного на ожидании глобального экономического кризиса, способна разрушить ключевые глобальные геоэкономические и социальные системы. Опираясь на потенциал цифровизированного глобального информационного общества, социокультурная составляющая становится точкой кристаллизации новых социальных, а затем и социально-экономических отношений, в благоприятном “вмещающем” пространстве способных основать социальную институционализацию.

На основании этой центральной гипотезы могут быть сформулированы ключевые предположения:

– первичными индикаторами изменений в характере глобального развития будут не социально-экономические процессы, а эволюция социальных институтов, не привязанных жестко к экономической основе. По мере развития процессов структурирования отдельных пространств возможно формирование социально-экономических сущностей на базе поведенческих особенностей значимых социальных групп в обществе⁵;

– ключевым фактором, определяющим сущность (направленность, вовлекаемые в процессы социальные группы, темп и т.д.) социальных изменений, становится характер “вмещающего пространства”. Этот процесс может актуализировать доглобализационные, зачастую архаические социальные структуры и соответствующие им связи, сообщества и социальные модели;

– формирование социальных моделей на базе пространственно локализованных идентичностей предопределяет возникновение значимых асимметрий социокультурного развития, лишь отчасти отражающих неизбежные на этапе глобальных трансформаций неравномерности социально-экономического развития, но и цивилизационные особенности соответствующего “вмещающего пространства”. Конкуренция подобных пространств становится неизбежной;

– культурные артефакты проявляются как важнейшие визуализированные фокусы изменений, превращаясь за счет современной системы коммуникаций в подобие идеоло-

⁴ Р. Браславский подчеркивает, что для многих представителей академического сообщества (не только социологов) “цивилизация” и “цивилизации” могут быть объектами исследования только как дискурсивно-идеологические феномены, конструируемые политически ангажированными интеллектуалами, но не в качестве “реальных” соционисторических структур и процессов [Браславский 2012].

⁵ В какой-то мере пример такого развития – эволюция такой значимой группы населения урбанизированных пространств, как прекариат [Стэндинг 2014]. Появившись в качестве одного из вариантов гибкой занятости, прекариат постепенно превратился в один из доминирующих слоев в социальной структуре мегаполисов, которому были свойственны специфические модели организации социальной жизни, включенность в специфические коммуникационные системы, целый ряд социокультурных особенностей. Вместе с тем прекариат сохранил важнейшую свою экономическую характеристику – вывод за пределы т.н. “социального государства”.

гических конструкций. Процесс конкуренции социокультурных пространств становится до известной степени конкуренцией сконструированных артефактов⁶ и, тем более, сконструированных вокруг этих артефактов социальных связей и систем;

– архаические социальные и социокультурные системы, обладающие способностью воспроизводить устойчивые социальные связи (даже этнорелигиозно обусловленные), будут в ближайшей перспективе иметь растущее влияние на формирование социальных и даже социально-экономических парадигм развития, ибо легче всего подходят для освоения пространства⁷.

Социокультурная структурация: пространственная матрица

Говорить о наличии определенного вектора социокультурных трансформаций в постглобальном мире сейчас, очевидно, преждевременно, хотя бы потому, что непонятно до конца социально-экономическая база, на которой обновленная культура (или ее суррогаты, воспринимаемые в обществе, на уровне массового сознания, как “культура”) может развиваться. А с ней – главный вектор развития: регионализация или сохранение глобального характера культуры и связанных с ней социокультурных отношений.

В чистом виде “плоский мир” [Friedman 2005] мог существовать только в ограниченном социальном пространстве транснациональных компаний и хотя, конечно, и имел влияние, выходящее за их рамки, но окончательно сложившейся социальной моделью считаться не мог. К началу эпохи своей зрелости (2000-е–начало 2010-х гг.) глобализация сформировала носителя надпространственной социокультурной модели, получившего название “яппи-интернационал” [Бергер 2004].

Можно говорить о принципиальной возможности формирования при вхождении в посткоронавирусный мир двух моделей выстраивания социокультурной сферы: преимущественно глобализированной и преимущественно регионализированной со значительным влиянием локальных особенностей, а в ряде случаев – и рудиментов архаических социальных отношений (глобальной и глокальной, если пользоваться терминологией маркетинга [Касабуцкая 2015]). Внутри этих моделей будут присутствовать различные векторы структурирования и даже сегрегирования, если учитывать разделение на преимущественную виртуализацию для большей части общества, а также возможность возникновения архаизированных социально-политических анклавов в пространствах “серых зон”.

Выделим три доминирующих вектора структурирования социокультурного пространства.

Сословно-классовый вектор структурирования, существенно выходящий за рамки структурирования экономической и социально-экономической жизни общества. Этот вектор определяет доминирование в структурации пространства экономических интересов и психологических доминант. Если в период глобализации этот вектор структурирования был заведомо основным (хотя бы потому, что он определял динамику рынка труда), то в постглобальных условиях его роль и место в структурации общества будет определяться ситуативно. В рамках этого вектора модель выстраивается на основании способнос-

⁶ Этот подход в определенной мере развивает замечание одного из крупнейших современных западных социологов Й. Тереборна о том, что “монументальность”, в том числе выражаемая в архитектуре, сама по себе инструмент производства “смыслов” [Тереборн 2020]. Авторы допускают возможность формирования смыслов и за счет менее масштабных культурных артефактов, а в современных условиях – даже виртуализированных сущностей, которые в нынешних ситуативных условиях могут играть роль социальных и даже идеологических идентификаторов.

⁷ Рост значения архаизированных систем социальной организации связан в том числе и с востребованностью незападных теорий социального развития, в которых одной из базовых является идея освоения, “оживления” пространства, превращения его в “свое”, в пространстве доминирования собственных социокультурных и социально-поведенческих парадигм [Глостанова 2013].

ти того или иного человека “приобретать” в широком смысле слова право доступа к тем или иным социальным институтам. Фактически это продолжает социальную модель “кредитного среднего класса”.

Возрастной (поколенческий) вектор структурирования. Вероятно, этот вектор будет одним из наиболее ярко идентифицируемых инструментов структуризации социального пространства [Олешко, Мухина 2020]. В его основу положен неоднозначный принцип асимметрии в освоении различными поколениями тех или иных инструментов организации социального пространства, связанных с цифровыми коммуникациями. На деле этот вектор структурирования будет создавать наиболее флюидные форматы проявления, реализуя принцип транс-социальности, уже вполне присутствующий, например, в компьютерных играх.

Религиозно-архетипический вектор, способствующий возникновению внутри различных социальных пространств специфических поведенческих общин, исторически связанных с определенными социальными или религиозными группами (возможно, не вполне осознающими эту преемственность) [Харрисон 2016]. Такие группы могут постепенно утрачивать замкнутость, но сохранять на относительно длительный срок внешние проявления религиозных традиций и/или национальных архетипов. Это может напоминать ситуацию социального структурирования в США в конце XIX – начале XX в., когда национально-архетипическое структурирование общества уже вышло за пределы классической пространственной и анклавности, но продолжало выражаться в социальной жизни, например, через доминирование в отдельных профессиональных нишах (пожарные, полицейские, торговцы и проч.) лиц определенных национальностей и национального происхождения. При торможении социальной глобализации устойчивость религиозных “ядер” или даже их рудиментов становится не просто источником социальной архаизации, но и фактором ограничения интрузивности информационного общества [Хруль 2020]. Это напрямую будет влиять на специфику социального и, тем более, социокультурного структурирования.

Безусловно, как с содержательной, так и со структурной точки зрения этими тремя векторами структурирование не исчерпывается, но они в наибольшей степени описывают происходящие процессы. В таблице представлены примерные варианты пространственных проявлений новых социокультурных тенденций.

Показанные в таблице формы проявления новых тенденций – лишь первый опыт анализа возможной структуризации социального и социокультурного пространства. Главное ограничение в отношении представленных в данной работе результатов – неясность в отношении моделей экономического и социоэкономического развития. Однако уже на этом уровне авторы считают возможным сделать основные выводы:

– количество переходных форм, а с ними и перспективы для относительно мягкой трансформации одного типа социокультурной самоидентификации в другую, невелико. Это программирует ситуацию сравнительно жесткой конкуренции различных социокоммуникационных форматов, но конкуренции как продолжения общей политико-экономической трансформации постглобального мира.

Институциональным выражением подобного варианта развития может стать формирование постиндустриальных урбанизированных анклавов, связанных с премиальным потреблением, своего рода вариант “Нео-Сингапур”.

Модель развития на основе рудиментов глобализационных моделей социокультурного развития и социальных отношений “яппи-интернационала” с соответствующими атрибутами возможна в пространствах относительно высокого уровня политической и военно-силовой защищенности, однако при условии сохранения высокой роли глобализированных социально-экономических систем (информационного общества и финансового сектора), которые эти анклавов будут обслуживать в новой постглобальной экономике;

Таблица

Социокультурные тенденции современного мира и их пространственное проявление

Тип пространства	Доминирование рудиментов глобализации	Доминирование регионализации	Серая зона
Структурная характеристика пространства	Глобальные города Транснациональные анклавы Пространства-фактории	Пространство внутренних логистических коридоров, реки). Неглобальные крупные города	Узлы морских коммуникаций Связки крупных национальных государств и коалиций Малозначимые в ресурсном смысле пространства Зона смешанных городских и сельских районов
Проявление сословно-классового вектора	Локализация премиальных анклавов (анклавов премиального образа жизни) Реализация принципа “минимального гарантированного дохода” Деполитизация социальной жизни. Запрос на социокультурное упрощение	Программа “нового образования” Развитие “социокультурных лифтов” Рост значимости политических структур “Новый социализм”	“Молодежные армии” как инструмент социальной реализации
Проявления поленческого вектора	Постхристианство Вакхические культы Неоэлитарность	Новый рационализм Новые религиозные системы (в том числе – и антисистемы) Землячества Радикальные формы традиционных религий	Новые формы культурной архаики Восстановление субкультур Новые “хиппи” Фронтирные культуры Радикальные секты
Проявления религиозно-архетипического вектора	Этноструктурированный рынок труда Секты Этническая преступность Национальные “само-гетто” Городская протестная культура	Новые религиозные системы Неонационализм Культурная архаика Этностиль Этническая неоклассика	Антисистемные секты Неовандализм и неонигилизм Трансграничные этнорелигиозные структуры Исторические ассоциированные артефакты Военизированные символические артефакты Неоисторизм (системы альтернативного прошлого)
Типичные социокультурные процессы и характерные культурные артефакты	Трансгуманизм в искусстве Неомодернизм Неоконструктивизм в архитектуре		

– принципиальное предположение авторов – идея о том, что *в пределах одного пространства, “огороженного” национальным или коалиционным (по примеру ЕС) суверенитетом, будет возникать ситуация монополии одной модели социокультурного и социального развития на базе доминирующей системы ценностей, внедряемых с использованием политического ресурса*⁸. Новая политическая ситуация может потребовать расширения принципа символической политической репрезентации власти – специфической проблемой, требующей отдельного рассмотрения применительно к новым условиям;

– большинство предполагаемых форм социокультурной самоидентификации прямо вытекает из социально-экономического характера пространства, и в определенной мере мы будем сталкиваться с проявлениями конкуренции города и деревни, но в отличие от более ранних трактовок [Маклюэн, Фиоре 2012] не только в коммуникационном пространстве, но и в пространстве социального действия и социальной организации. Считавшиеся социально и политически безопасными пространства социальной архаики в условиях деградации глобалистского социального мейнстрима могут локально создавать устойчивые социальные модели, построенные вокруг архаических социокультурных образцов.

Одним из примеров существования таких сообществ, правда, в специфических политических условиях можно считать *возникновение и среднесрочное воспроизводство основанных на архаических социальных моделях неоисламистских государств на Среднем Востоке и в Восточной Африке*, развивающихся уже не по принципу “трофейной экономики” (классическим примером чего стали общества ряда стран Евразии), но по принципу “пиратской экономики”. В условиях глобальной регионализации и ослабления военно-политических возможностей ключевых государств вполне возможно тиражирование этих моделей не только на Среднем Востоке, но и в Юго-Восточной Африке, Латинской Америке, а при определенных условиях – и в Евразии;

– начинает усиливаться влияние социокоммуникационной гибридности, хотя и в пространстве нарастающей атомизации⁹. В рамках этого направления развития принципиальным фактором становятся точки синергии социальной и коммуникационной идентификации и развитие тех сообществ, которые с этими точками ассоциируются.

Таким пространством синергетической реализации потенциала социокоммуникационной гибридности служит стадион и ему подобные пространства, где существующие преимущественно в коммуникационном пространстве, но объединенные вокруг определенных элементов идентификации (болельщики) и самоидентификации сообщества, получают возможность социальной реализации [Bale, Vertinsky 2004; Turner 2015].

Это означает, что ключевыми системообразующими точками в организации такого пространства становятся условные традиции и их институциональные и индивидуальные носители [Штомпка 1996]. Такая реализация принципа социокоммуникационной гибридности приведет к повышению локальной конкурентоспособности устойчивых субкультур,

⁸ Заявление У. фон дер Ляйен 16 сентября 2020 г. о недопустимости отказа стран-членов ЕС от соблюдения радикально-либеральных норм социального поведения, в частности, связанных с понятием “семья” (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9470231>), на практике остается одним из базовых традиционных инструментов социальной и социокультурной структуризации общества. Это не просто политическое утверждение “административного” подхода в управлении социокультурным развитием, но и свидетельство остроты конкуренции условно “общеевропейских” (региональных в формате отношения к “глобальности”) ценностных ориентиров и социокультурных процессов, с одной стороны, и национальных и локальных (и даже коммунитаристских) социокультурных моделей – с другой. Последние получили значительный политико-административный импульс в условиях пандемического кризиса и при определенных условиях могут стать конкурентными по отношению к общеевропейскому либеральному мейнстриму.

⁹ Высокая степень реализации социальной атомизации проявилась в том числе и в распаде “городских племен” как наиболее простой формы организации социума в урбанизированном пространстве. Этот аспект затронул и Россию, хотя в нашей стране процессы социальной атомизации по ряду причин носили замедленный характер [Алексеевский 2017].

но с большим укреплением принципа идентификации и самоидентификации по визуализируемым культурным или псевдокультурным артефактам;

– вектор религиозно-архетипического структурирования формирует эффективные форматы социального действия во всех трех форматах реализации изменений, хотя потенциал в пространствах, где доминируют рудименты глобализации, будет объективно меньше, но с большим структурирующим влиянием замещающих социоидеологических конструкторов.

Вероятно, на определенном этапе мы столкнемся с *ростом в мегаполисообразных пространствах востребованности различных эсхатологических культов и/или с трансформацией ранее существовавших в еще более радикальном ключе*. Это может напоминать процессы, происходившие в позднем СССР, однако с поправкой на более глубокий уровень социальной деструкции современного западного общества и вовлеченных в урбанистические пространства элементов общества в индустриальных странах Востока.

Интенсивность воздействия данного вектора во многом зависит от демографического потенциала занимаемого пространства и способности трансформировать архетип в максимально агрессивную протоидеологию. Именно архетипический вектор развития создает наибольшее число относительно гибких форм взаимодействия, одновременно подверженных влиянию не только стратегических факторов, но и ситуативных, в частности обостряющих катастрофизм мышления¹⁰;

– ни одна из возможных моделей пространственной реализации социокультурных моделей не предусматривает возможности доминирования чисто информационной составляющей¹¹. Модели социального развития вновь должны будут получать пространственную реализацию, локализованную применительно к условиям конкретного пространства систему социально значимых устойчивых связей и отношений. Это предполагает не просто диалектичность развития системы и порождаемых ею социальных и социокультурных моделей, но и наличие в них системно значимых цивилизационно-идентификационных элементов, возможно, проявляющихся и в форме архаизированных в социокультурном плане анклавов;

– социокультурные процессы и культурные артефакты становятся точками кристаллизации новых социальных тенденций. Мы можем столкнуться с эффектом “обратной прогрессии” в социальном развитии, когда ассоциирование себя с теми или иными культурными артефактами (визуализацией социокультурности) будет определять характер социальной вовлеченности и направленность социально-экономических связей и отдельного человека, и значимых социальных групп. Культурные артефакты и отношение к ним становятся неким аналогом условно религиозной самоидентификации.

Возникновение такого эффекта возможно в ходе социокультурного размежевания в Европе (между постхристианскими, неоконсервативно-христианскими и неомусульманскими социальными системами). *Но в таком случае одним из наиболее вероятных вариантов развития может стать частичная анклавизация*. В мусульманских сообществах в странах Европы такая модель уже фактически реализуется. Этот эффект будет

¹⁰ В результате воспринимаемых как трагедия событий (а, по сути – просто неожиданных, внеплановых) фактор обостряемого катастрофизма мышления осознается на политологическом уровне [Ливен 2020]. Это будет иметь и вполне очевидные проявления в сфере социальных отношений, а также эстетических проявлений. Политологического инструментария вряд ли будет достаточно для фиксации подобных изменений.

¹¹ Ограниченность возможности формирования социальных систем только за счет коммуникационных инструментов вполне осознавалась западными исследователями [Конрад 2018]. Однако концепция социального структурирования через управление дискурсом и языком оставалась одной из центральной для западной социологии периода поздней глобализации. Социально атомизированный и экономически сетевизированный характер глобализованного общества делал реализацию политического (и социального) доминирования через управление общественным дискурсом, также во многом глобализированным, одним из наиболее эффективных и политических безопасных [Дейк 2015].

характерен и для фронтирных пространств (Белоруссия, Восточная Украина, Балканы и проч.). В ряде случаев в качестве инструмента структуризации общества и самоидентификации выступает “советская” и “антисоветская” символика.

Это усиливается за счет эффекта социально-санитарных ограничений, связанных с пандемией, но усиливается локально, формируя систему локализованных социальных (и социокультурных) институтов.

Социокультурные процессы и культурные артефакты становятся наиболее удобными, в том числе – и политически удобными средствами освоения того или иного пространства. Значит, они могут и должны рассматриваться в качестве инструментов пространственной конкуренции тех или иных крупнейших глобальных сил (отдельных стран и их коалиций). Возникает эффект визуального социокультурного “закрепления” пространства за той или иной региональной системой (коалицией), что, будучи рефлексией “нового средневековья”, вполне вписывается в концепцию “столкновения цивилизаций”), хотя бы и без эксплицитного силового компонента.

* * *

Глобальные трансформации в политике, экономике и социальных системах, равно как и их региональные проявления, находятся в настоящее время лишь в начале пути. Неопределенность базы для экономического развития кажется главным источником неопределенности в социальных моделях и социокультурных отношениях как их наиболее очевидного выражения. Важно и то, что понимание особенностей этих трансформаций в силу присутствия в них, как правило, значительного визуального компонента, доступно сравнительно широкому кругу участников социальных процессов. Наблюдаемое ключевое противоречие сводится, с одной стороны, к объективно подтверждаемой концепции нового социокультурного условно “городского” пространства как пространства слабых связей [Куренной 2017]. Пандемия COVID-19 эти связи не ослабила, но ускорила процесс их затухания за счет виртуализации значительной части социального взаимодействия. Ослабеют, прежде всего, социальные связи, возникающие в формате “большой семьи”, а именно – связи, в значительной мере определяющие потенциал архаических форматов социальной деятельности.

С другой стороны, в большинстве случаев формирование новых моделей развития в пространственном воплощении потребует перехода от “слабых” связей к более “жестким”, и особенно это понадобится там, где возможна конкуренция с архаизированными моделями социального развития. Это обусловит формирование нового вектора социальных асимметрий: там, где социальные системы в большей степени сохранят рудименты архаизации, в том числе и игнорируя вынужденную виртуализацию социальной жизни, появится больший потенциал социального конструирования и консолидации.

Анализ этого противоречия, в новых условиях проявляющегося не только в коммуникационном (социально-виртуальном), но и в практическом операционном пространстве, приводит к следующему выводу: в условиях конкуренции с архаическими системами, обладающими большей внутренней устойчивостью в кризис, подобные “связи” или их суррогаты могут быть встроены в общество искусственно, дабы обеспечить его конкурентоспособность. **Ключевой вопрос социокультурного развития в постглобальном мире – это роль идеологии или ее социокультурных, духовных заменителей в будущем мире** и механизмы его убедительной и социально эффективной трансляции в общества. И здесь культура, включая и эстетику, становится одним из ключевых механизмов. Идеологическое ядро каждой культуры определяет степень ее сопротивления изменениям или уровнем владения ею культурным капиталом, в то время как цивилизационный контекст определяет ее природу, сложность и динамизм [Rabie 2016]. Главное здесь – сам факт наличия и исторической обусловленности культурного ядра определяет конкурентоспособность социокультурных систем.

Значение пространства как системного фактора для формирования моделей социально-го развития будет, вероятно, увеличиваться по мере ослабления стандартизирующих глобальных факторов влияния, как правило, связанных с унификацией процессов потребления как на личном, так и на институциональном уровне. Одновременно значение глобализированного информационного общества будет увеличиваться, поскольку оно в настоящее время остается ключевой опорой глобального мира. В течение сравнительно длительного времени мир будет находиться в состоянии относительно неустойчивого баланса между конкурирующими моделями развития. И этот фактор будет актуален и для России, где встает вопрос об обеспечении принципиально более высокого уровня социальной связности как условия сохранения глобальной конкурентоспособности, что может быть обеспечено только при переосмыслении принципов пространственного развития России¹². Таким образом, важным преимуществом становится темп институционализации обновленных социальных отношений и вывод процессов структурирования за пределы социокоммуникационной гибридности в зону социальной, а затем и правовой регулятивности (установившейся нормы).

Формирование описанного выше противоречия в качестве определяющего вектора развития означает транзит моделей социальной идентификации от доминирования структурирования на коммуникационной основе к опоре на гибридные – социокоммуникационные – форматы, способные в большей степени противостоять усилению социальной архаики, неизбежному в результате ослабления глобализационных механизмов.

Пока сложно говорить о том, что социокоммуникационная самоидентификация может стать самостоятельным направлением глобальной конкуренции, но она будет одним из важнейших ее инструментов. В постглобальных условиях вполне возможным становится сценарий столкновения цивилизаций, введенный в оборот С. Хантингтоном [Huntington 1996], однако в контексте борьбы за пространство и с большим значением “длинной” экономики. Важно то, что социокультурные обстоятельства, а в ряде случаев прямо цивилизационные, оказываются наиболее значимыми с точки зрения переформатирования так называемого “мирового порядка” – и как индикаторы масштабов изменений, и как инструменты структурирования “вмещающего” пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеевский М. (2017) Городская антропология – от локальных “племен” к глобальным “потокам” // Горожанин. Что мы знаем о жителе большого города. М.: Strelka Press. С. 79–99.
- Бергер П.Л. (2004) Введение. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. Под ред. Бергер П.Л., Хантингтон С.П. М.: Аспект Пресс. С. 6–23.
- Браславский Р.Г. (2012) Цивилизационная перспектива в социологическом анализе современных обществ // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XV. № 6. С. 30–49.
- Бэк У. (2001) Что такое глобализация. М.: Прогресс-традиция.
- Валлерстайн И. (2017) Структурный кризис или почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным // Есть ли будущее у капитализма. Сборник статей. Под ред. Г.Дерлугьяна. М.: Издательство Института Гайдара. С. 23–60.
- Дейк Ван Т.А. (2015) Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: УРСС, Книжный дом “ЛИБРОКОМ”.
- Евстафьев Д.Г. (2019) Социокоммуникационная гибридность как свойство современного информационного общества // Коммуникации. Медиа. Дизайн. № 3(4). С. 140–158 (<https://cmd-journal.hse.ru/article/view/9896>).
- Есть ли будущее у капитализма? (2015) И.Валлерстайн и др. М.: Издательство Института Гайдара.

¹² Важными в этой связи следует считать замечания российского исследователя И. Сиземской, что пространственное развитие не может быть производной только от экономических проектов и решений и должно включать в себя социокультурный компонент [Сиземская 2011].

- Касабуцкая М.С. (2015) Глокализация и особенности межкультурного взаимодействия // ТРУДЫ СПБГИК. Т. 206. Ч. 1. С. 205–212.
- Кастельс М. (2016) Власть коммуникаций. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Кин Дж. (2015) Демократия и декаданс медиа. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Конрад С. (2018) Что такое глобальная история. М.: Новое литературное обозрение.
- Куренной В. (2017) Сила слабых связей. Горожанин и право на одиночество // Горожанин. Что мы знаем о жителе большого города. М.: Strelka Press. С. 15–29.
- Лайдон М., Гарсиа Э. (2019) Тактический урбанизм. Краткосрочные действия – долгосрочные перемены. М.: Strelka Press.
- Латур Б. (2014) Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. С. Гавриленко (ред.). М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Ливен А. (2020) Коронавирус как зеркало: что мы видим? // Россия в глобальной политике, май/июнь (<https://globalaffairs.ru/articles/korona-zerkalo-obshhestva/>).
- Маклюэн М., Фиоре К. (2012) Война и мир в глобальной деревне. М.: АСТ, Астрель.
- Многоликая глобализация (2004) Под ред. Бергер П.Л., Хантингтон С.П. М.: Аспект пресс.
- Олешко В.Ф., Мухина О.С. (2020) Поколенческие различия в восприятии информации современных массмедиа // Коммуникации. Медиа. Дизайн. № 5(1). С. 125–142 (<https://cmd-journal.hse.ru/article/view/11026>).
- Орлова Е.В. (2017) Социокультурное пространство: к определению понятия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. № 7(81). С. 149–152.
- Сиземская И.Н. (2011) Социокультурное пространство России: реалии и перспективы // Общественные науки и современность. № 4. С. 20–28.
- Спенс М. (2013) Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. М.: Издательство института Гайдара.
- Стэндинг Г. (2014) Прекариат: Новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Тереборн Й. (2020) Города власти. Город, нация, народ, глобальность. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Глостанова М. (2013) Постконтинентальная теория и реабилитация места, или Существует ли постсоветский хронотоп? // Художественный журнал. № 90 (<http://moscowartmagazine.com/issue/7/article/97>).
- Тойнби А. (1991) Постижение истории. Сборник. Сост. Огурцов А.П. М.: Прогресс.
- Урри Дж. (2018) Как выглядит будущее. М.: Издательский дом “Дело” РАНХиГС.
- Флорида Р. (2005) Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика XXI.
- Фукуяма Ф. (2019) Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблишер.
- Харрисон Л. (2016) Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма. М.: Мысль.
- Хруль В.М. (2020) Религия и медиатизация: герметичный объект как вызов теоретическому авангарду // Коммуникации. Медиа. Дизайн. № 5(1). С. 90–106 (<https://cmd-journal.hse.ru/article/view/10810>).
- Шваб К. (2019) Четвертая промышленная революция. М.: ЭКСМО.
- Штомпка П. (1996) Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс.
- Akbarzadeh S., Baxter K. (2018) Ideologies and supra-state identities // Middle East Politics and International Relations. London: Routledge. Pp. 83–97.
- Bale J., Vertinsky P. (2004) Sites of Sport: Space, Place, Experience. London: Routledge.
- Friedman T. (2005) The world is Flat. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Geertz Cl. (1973) The interpretation of cultures. New York: Basic Books (<https://chairoflogicphiloscul.files.wordpress.com/2013/02/clifford-geertz-the-interpretation-of-cultures.pdf>).
- Giddens A. (1991) Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press.
- Giddens A. (2003) Runaway World: How Globalization is Reshaping our Lives. New York: Routledge.
- Huntington S.P. (1996) The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon&Shuster.
- Huntington S.P. (2005) Who Are We?: The Challenges to America's National Identity. New York, New York: Simon & Schuster Paperbacks.
- Nealon J.T. (2012) Post-Postmodernism, or the Cultural Logic of Just-in-Time Capitalism. Stanford Univ. Press.

Postman N. (2006) *Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business*. New York, N.Y: Penguin Books.

Rabie M. (2016) *A Theory of Sustainable Sociocultural and Economic Development*, New York: Palgrave Macmillan.

Turner M. (2015) *Football Fandom in Late Modernity: Alternative Spaces and Places of Consumption // Sports Events, Society and Culture*. London: Routledge. Pp. 40–53.

REFERENCES

Akbarzadeh S., Baxter K. (2018) Ideologies and supra-state identities. *Middle East Politics and International Relations*. London: Routledge, pp. 83–97.

Alekseyevskiy M. (2017) Gorodskaya antropologiya – ot lokal'nykh “plemen” k global'nym “potokam” [Urban Anthropology – from Local “Tribes” to Global “Flows”]. *Gorozhanin. Chto my znayem o zhitele bol'shego goroda* [Citizen. What do we know about a resident of a megalopolis]. Moscow: Strelka Press, pp. 79–99.

Bale J., Vertinsky P. (2004) *Sites of Sport: Space, Place, Experience*. London: Routledge.

Bek U. (2001) *Chto takoye globalizatsiya* [What is Globalization]. Moscow: Progress-traditsiya.

Berger P.L. (2004) Vvedeniye. Kul'turnaya dinamika globalizatsii [Introduction. Cultural dynamics of globalization]. *Mnogolikaya globalizatsiya* [Many Globalization]. Berger P.L., Huntington S.P. (eds.). Moscow: Aspekt Press, pp. 6–23.

Braslavskiy R.G. (2012) Tsvivilizatsionnaya perspektiva v sotsiologicheskom analize sovremennykh obshchestv [Civilizational perspective in the sociological analysis of modern societies]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, vol. XV, no. 6, pp. 30–49.

Deyk Van T.A. (2015) *Diskurs i vlast'*. Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii [Discourse and Power]. Moscow: URSS, Knizhnyy dom “LIBROKOM”.

Florida R. (2005) *Kreativnyy klass: lyudi, kotoryye menyayut budushcheye* [The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life]. Moscow: Klassika XXI.

Friedman T. (2005) *The world is Flat*. New York: Farrar, Straus and Giroux.

Fukuyama F. (2019) *Identichnost': stremleniye k priznaniyu i politika nepriyatiya* [Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment]. Moscow: Al'pina Publisher.

Geertz Cl. (1973) *The interpretation of cultures*. New York: Basic Books (<https://chairflogficphiloscult.files.wordpress.com/2013/02/clifford-geertz-the-interpretation-of-cultures.pdf>).

Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press.

Giddens A. (2003) *Runaway World: How Globalization is Reshaping our Lives*. New York: Routledge.

Huntington S.P. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon&Shuster.

Huntington S. P. (2005) *Who Are We?: The Challenges to America's National Identity*. New York, NY: Simon & Schuster Paperbacks.

Kasabutskaya M.S. (2015) Glokalizatsiya i osobennosti mezhkul'turnogo vzaimodeystviya [Glocalization and Features of Intercultural Interaction]. *TRUDY SPBGIK*, vol. 206, ch. 1, pp. 205–212.

Kastel's M. (2016) *Vlast' kommunikatsiy* [Communication Power]. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki.

Harrison L. (2016) *Yevrei, konfutsianty i protestanty. Kul'turnyy kapital i konets mul'tikulturalizma* [Jews, Confucians and Protestants. Cultural Capital and the End of Multiculturalism]. Moscow: Mysl'.

Khrul' V.M. (2020) Religiya i mediatizatsiya: germetichnyy ob'yekt kak vyzov teoreticheskomu avangardu [Religion and mediatization: Hermetic object as a Challenge to the Theoretical 'avant-garde']. *Kommunikatsii. Media. Dizayn*, no. 5(1), pp. 90–106 (<https://cmd-journal.hse.ru/article/view/10810>).

Kin Dzh. (2015) *Demokratiya i dekadans media* [Democracy and Media Decadence]. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki.

Konrad S. (2018) *Chto takoye global'naya istoriya* [What is Global History?]. Moscow: Novoye literaturnoye obozrenie.

Kurennoy V. (2017) Sila slabykh svyazey. Gorozhanin i pravo na odinochestvo [The Strength of Weak Ties. Citizen and the right to loneliness]. *Gorozhanin. Chto my znayem o zhitele bol'shego goroda* [Citizen. What do we know about a resident of a megalopolis]. Moscow: Strelka Press, pp. 15–29.

Latur B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo: vvedeniye v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory] S. Gavrilenko (ed.). Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki.

Laydon M., Garsia E. (2019) *Takticheskiy urbanizm. Kratkosrochnnyye deystviya – dolgosrochnnyye peremeny* [Tactical Urbanism: Short-term Action for Long-term Change]. Moscow: Strelka Press.

Liven A. (2020) Koronavirus kak zerkalo: chto my vidim? [Coronavirus as a Mirror: What Do We See?]. *Rossiya v global'noy politike, may/iyun'* (<https://globalaffairs.ru/articles/korona-zerkalo-obshhestva/>).

Maklyuen M., Fiore K. (2012) *Voyna i mir v global'noy derevne* [War and Peace in the Global Village]. Moscow: AST, Astrel'.

Mnogolikaya globalizatsiya (2004) [Many Globalization]. Berger P.L., Huntington S.P. (eds.). Moscow: Aspekt Press.

Nealon J.T. (2012) *Post-Postmodernism, or The Cultural Logic of Just-in-Time Capitalism*. Stanford Univ. Press.

Oleshko V.F., Mukhina O.S. (2020) Pokolencheskiye razlichiya v vospriyatii informatsii sovremennykh massmedia [Generational Differences in the Perception of Information in Modern Mass Media]. *Kommunikatsii. Media. Dizayn*, no. 5(1), pp. 125–142 (<https://cmd-journal.hse.ru/article/view/11026>).

Orlova Ye.V. (2017) Sotsiokul'turnoye prostranstvo: k opredeleniyu ponyatiya a [Sociocultural Space: Towards the Definition of the Concept]. *Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, no. 7(81), pp. 149–152.

Postman N. (2006) *Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business*. New York, N.Y.: Penguin Books.

Rabie M. (2016) *A Theory of Sustainable Sociocultural and Economic Development*. New York: Palgrave Macmillan.

Shvab K. (2019) *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow: EKSMO.

Shtompka P. (1996) *Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy* [The Sociology of Social Change]. Moscow: Aspekt Press.

Sizemskaya I.N. (2011) Sotsiokul'turnoye prostranstvo Rossii: realii i perspektivy [Sociocultural Space of Russia: Realities and Prospects]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 20–28.

Spens M. (2013) *Sleduyushchaya konvergentsiya: budushcheye ekonomicheskogo rosta v mire, zhivushchem na raznykh skorostyakh* [The Next Convergence: The Future of Economic Growth in a Multispeed World]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara.

Stending G. (2014) *Prekariat: Novyy opasnyy klass* [The Precariat. The New Dangerous Class]. Moscow: Ad Marginem Press.

Tereborn Y. (2020) *Goroda vlasti. Gorod, natsiya, narod, global'nost'* [Cities of Power. The Urban, the National, the Popular, the Global]. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki.

Tlostanova M. (2013) Postkontinental'naya teoriya i reabilitatsiya mesta, ili Sushchestvuyet li postsovetskiy khronotop? [Post-continental Theory and Rehabilitation Places, or is there a Post-Soviet Chronotope?]. *Khudozhestvennyy zhurnal*, no. 90 (<http://moscowartmagazine.com/issue/7/article/97>).

Toynbee A. (1991) *Postizheniye istorii. Sbornik* [A Study of History]. Ogurtsov A.P. (sost.). Moscow: Progress.

Turner M. (2015) Football Fandom in Late Modernity: Alternative Spaces and Places of Consumption. *Sports Events, Society and Culture*. London: Routledge, pp. 40–53.

Urri Dzh. (2018) *Kak vyglyadit budushcheye* [What is the Future?]. Moscow: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKhiGS.

Vallersteyn I. (2017) Strukturnyy krizis ili pochemu kapitalisty mogut schitat' kapitalizm nevygodnymi [Structural Crisis or Why Capitalists May Longer Find Capitalism Rewarding]. *Yes' li budushcheye u kapitalizma. Sbornik statey* [Does Capitalism Have a Future?]. G.Derlug'yan (red.). Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara, pp. 23–60.

Yes' li budushcheye u kapitalizma? (2015) [Does Capitalism Have a Future?]. I.Vallersteyn i dr. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara.

Yevstaf'yev D.G. (2019) Sotsiokommunikatsionnaya gibridnost' kak svoystvo sovremennogo informatsionnogo obshchestva [Socio-Communication Hybridity as the Phenomenon of the Contemporary Information Society]. *Kommunikatsii. Media. Dizayn*, no. 3(4), pp. 140–158 (<https://cmd-journal.hse.ru/article/view/9896>).